

УДК 31; 39; 339

Е.Д. Айпин

Северные территории: традиции их освоения и взаимодействия северных народов

Аннотация. Главной особенностью северных территорий является их весьма суровый климат, в некоторых случаях близкий к условиям эпохи Великого обледенения. Это всегда ставило коренных жителей этих мест на грань выживания и требовало от них выработки особых не только физических, но и ментальных качеств для преодоления тяжелых природных и климатических условий. Издревле народами Севера России накапливались традиции освоения труднодоступных земель, основанные на жизненном опыте многих и многих поколений здешних обитателей, а также на сведениях, получаемых в ходе общения с сородичами, проживающими в других странах, и с представителями иных северных национальных групп и народов.

Ключевые слова: северные территории, коренные жители, климатические условия, труднодоступные земли.

E.D. Aipin

Northern territories: traditions of its developing and interaction of the northern peoples

Summary. The main feature of the northern territories is their extremely rigorous climate, in some cases, similar to the conditions of the Great icing epoch. It always puts the indigenous inhabitants of these places on the edge of survival, and demanded from them to develop the special not only physical but also mental qualities to overcome the severe natural and climatic conditions. Since ancient times, peoples of the Russian North accumulated the traditions of development of hard-to-reach lands, based on the life experience of many generations of local inhabitants, as well as on the information received during the communication with relatives who live in other countries, and with representatives of other northern ethnic groups and nations.

Keywords: northern territories, indigenous inhabitants, climatic conditions, hard-to-reach lands.

Взаимодействие народов, населяющих побережье Северного Ледовитого океана и прилегающие территории, породило особую культуру, заметно отличающуюся, например, от культуры жителей средней полосы. Контакты с последними неизбежно ставят вопрос об их сравнении между собой. Для этого строятся многочисленные социально-философские концепции, нацеленные на понимание исторически сложившейся ситуации в жизни и деятельности многочисленных северных народов. Эти концепции грешат определенными недостатками и подчас приводят к существенному занижению или даже к искажению реальной исторической роли коренных жителей Севера в формировании всемирной человеческой ци-

вилизации в целом и российской цивилизации в частности, а также в экономическом освоении северных территорий и в соблюдении на них экологического баланса.

Например, А.П. Гудыма считает, что для реализации устойчивого развития в северных условиях необходима взвешенная стратегия [1]. «Линейный» подход, при котором на основе какого-либо (не важно, простого или комплексного) критерия социального прогресса все народы мира располагаются на некоей оси, мало приемлем потому, что при выборе его происходит абстрагирование от чересчур многих важных факторов. При «линейном» подходе малочисленные народы Севера останутся вечными аутсайдерами, а их культура, их об-

раз жизни однозначно будут определяться как «отсталые», требующие «преодоления».

Также мало приемлем, по мнению данного автора, и подход, предлагаемый сторонниками концепций «локальных цивилизаций». Если первый, «линейный», предполагает отбрасывание особенного и сосредоточение на общем в жизни и деятельности обществ, то второй, «цивилизационный», наоборот, строится на отбрасывании общего и концентрации на особенном. Если распространить «цивилизационный подход» на понимание проблем малочисленных северных народов, он может привести либо к идеям изоляционизма и ностальгической утопии возвращения «назад к природе», либо к политике изолированных «резерваций», либо к оправданию агрессивного противостояния централизаторской и индустриалистской политике российских федеральных властей. Последнее представляется наиболее опасным, поскольку в этом случае будет вестись поиск союзников за пределами России, которые будут призваны помочь сохранению национальной идентичности и самобытности северных народов России.

По мнению указанного автора, реальная диалектика жизни, и диалектика жизни малочисленных народов Севера в том числе, заставляет преодолевать односторонность этих подходов. Именно это и требует, по его мнению, ставить вопрос об устойчивом развитии как главной задаче, которую нужно сегодня решать и представителям малочисленных северных народов, и всем тем, кто реально озабочен их исторической судьбой. С такой постановкой вопроса трудно не согласиться.

Действительно, сохранение самобытности жителей Севера вовсе не означает их консервации в первобытном состоянии, а их прогресс не связан с искусственной культурной ассимиляцией. Истина находится где-то посередине, а ее расстояние от указанных крайностей связано с конкретными полифакторными историческими условиями. Однако большинство ученых все-таки рассматривают в качестве магистрального для северян направление на сближение с культурой народов средней полосы России. В определенном смысле это напоминает мужской шовинизм по отношению к

женщинам, который подразумевает изначальную неполноценность последних по сравнению с мужчинами. Цену такому отношению мы прекрасно знаем.

Теоретически возможны и совсем иные мотивы. Например, в настоящее время имеются прогнозы, говорящие о том, что общее потепление климата на земле может, среди прочего, привести к изменению маршрута течения Гольфстрима, что, в свою очередь, может вызвать в Западной Европе резкое изменение климата и даже новый ледниковый период. Не означает ли это, хотя бы гипотетически, что западно-европейцы – локомотив человеческой цивилизации – потенциально могут быть вынуждены начать эволюционировать, а отнюдь не инволюционировать в направлении северных культур и с целью элементарного выживания активно осваивать их опыт и знания? В этом случае своеобразному шовинизму жителей средней полосы по отношению к обитателям Крайнего Севера определенно придет конец. Из этого можно сделать вывод: жизненный опыт и знания любого народа являются самоценными и могут оказаться востребованными совершенно неожиданно и в зависимости от конкретных условий могут стать при этом чрезвычайно эффективными. Накопленный тысячелетиями опыт освоения Севера красноречиво свидетельствует в пользу этого.

Существенное значение северных территорий в жизни нашей страны наглядно показывает статистика. Так, северные субъекты Российской Федерации занимают около 70% (!) территории страны, в них проживает более 25,7 млн человек или 18% населения России. Северные регионы вносят значительный вклад в социально-экономическое развитие и доходы бюджетной системы страны. Например, в 2003 году в северных субъектах Российской Федерации произведено 21,6% промышленной продукции, более 10% продукции животноводства, выполнено 30,5% строительных работ, введено около 10% жилья, 22,0% общеобразовательных учреждений и около 25% объектов здравоохранения, оборот розничной торговли составил 15,5%, а объем платных услуг – 16,6% от соответствующих общероссийских показателей [2].

По данным Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов, уровень жизни северян пока относительно не высок. Несмотря на некоторое улучшение в первые годы нового столетия отдельных показателей уровня жизни населения Севера, положение остается крайне сложным и по ряду направлений значительно отстает от среднероссийского. Так, в 2003 году в 18 северных субъектах Российской Федерации индекс потребительских цен был выше среднероссийского и составил 112% (для сравнения, в 2002 году таких регионов было 15). Вместе с тем реальные денежные доходы выросли в 17 северных регионах (в 2002 году – в 21), только в 4 из них темпы роста выше, чем в целом по России – 113% (в 2002 году таких регионов было 17).

Особое место на Севере нашей страны занимают коренные малочисленные народы Севера (КМНС), которыми официально являются 35 народов, проживающих в районах, определенных нормативными документами Правительства Российской Федерации [3]. По результатам переписи 2002 года в составе этих народов произошли некоторые изменения. Он пополнился двумя народами, которые в ходе предыдущих переписей отдельно не учитывались: две тысячи человек назвали свою национальность «камчадалы» и сто человек – «юги» (прежде учитывались в составе кетов). Общая численность коренных народов Севера по результатам переписи увеличилась со 199 тысяч человек в 1989 году до 274,9 тысячи человек в 2002 году или на 75,9 тыс. человек [4].

Рост численности этих народов произошел в значительной степени за счет искусственного прироста. Большинство коренных малочисленных народов Севера имеют более низкий показатель естественного прироста населения, чем в целом по стране и по сравнению со всем населением районов Севера. По данным переписи населения СССР в 1970 и в 1979 гг., 4 народа дали отрицательный прирост (манси, селькупы, кеты, нганасаны), 6 народов (ханты, чукчи, эвены, нивхи, саами, удэгейцы, негидальцы) дали нулевой прирост [5]. Именно это обстоятельство послужило поводом для привлечения внимания широкой общественности к проблемам малочисленных народов Севера,

а их лидеры заговорили о вымирании своих этносов. Однако после распада СССР вдруг начался «бурный» рост народов Севера. Только за период 1996-2002 гг. прирост населения народов Севера, по данным Госкомстата России, составил 7 218 человек.

Однако только этим обстоятельством, по мнению экспертов Совета Федерации, не следует объяснять увеличение численности народов Севера. Вполне возможно, что какая-то часть аборигенов после переписи 1989 года поменяла свою национальную принадлежность и при опросе в 2002 году отнесла себя к народам Севера. В условиях роста активности общественных организаций коренных малочисленных народов, направленной на возрождение своей самобытной культуры, наличия большого числа национально-смешанных браков (у кетов – 64% смешанных браков), усилия внимания к проблемам КМНС и т.п. такое явление вполне могло иметь место, поскольку оно имеет определенную предысторию. У северных народов, проживающих в США и Канаде, этот показатель имеет существенно меньшее значение, поскольку смешанные браки там приводят к выходу из национальной общины и, в этой связи, потере доли в общинной собственности.

Сложившееся положение в экономике и демографии Российского Севера имеет исторические корни, уходящие даже не в вековую, а в многотысячелетнюю историю освоения северных земель. Чтобы ответить на вопрос о том, как складывался механизм современного социально-экономического устройства северных территорий, необходимо располагать научно обоснованной моделью освоения Крайнего Севера. Убедительный, на наш взгляд, вариант такой модели предлагает современная историческая наука в лице одной из основных ее дисциплин – археологии.

По мнению отечественных археологов, первоначальное заселение бывшей ледниковой зоны велось людьми из бывшей приледниковой зоны,двигающимися за отступающим ледником и стремящимися сохранить издревле присущий им тип хозяйства. Такого мнения, например, придерживается российский археолог П.Ю. Черносвитов, занимающийся вопросами, связанными с изучением археологии и

исторического моделирования процесса освоения Крайнего Севера [6]. Поскольку в послеледниковый период на всем Севере идет процесс общего потепления, сопровождающийся существенным расширением лесной зоны, достигающей побережья Северного Ледовитого океана, населению Севера приходится осваиваться с жизнью в этой зоне. В хозяйственном отношении это выражается в расширении доли рыболовства. В охоте все шире применяется лук и, возможно, растет применение самострелов.

К концу мезолита можно предполагать смену модели освоения людьми Севера. Если в начале мезолита доминирующей причиной продвижения на север предполагалось стремление остаться в привычной зоне обитания, то к концу мезолита доминирующей причиной делается, вероятно, рост плотности населения как в лесной зоне вообще, так и южнее ее, и отчасти – в ее более западных районах.

На протяжении неолита – железного века происходит постепенный приток населения с юга лесной полосы на север леса и далее, вплоть до побережья Северного Ледовитого океана. С развитого неолита и позднее эти перемещения явно вызваны ростом демографического давления в более южных районах Евразии. Особенно очевидным это делается в энеолите – бронзе, когда наблюдается массивное продвижение в лесную зону культур степи – лесостепи.

В это же время наблюдаются различного рода перемещения внутри самой лесной полосы и на самом Крайнем Севере и в широтном направлении. Скорее всего, начиная с неолита, а временами и позднее, зона Среднего Урала играла роль центра демографического давления для всего северного региона современной России, откуда потоки мигрантов двигались по всей лесной полосе как на Запад, так и на Восток.

Главной тенденцией в развитии хозяйственной деятельности населения Севера можно считать непрерывное совершенствование присваивающих форм хозяйства, выражающееся, по-видимому, в стремлении к максимальному полному использованию всех доступных ресурсов осваиваемой населением территории.

Уже с энеолита обитатели морских побережий Баренцева и Белого морей превращаются в морских зверобоев, пользующихся мореходными лодками. В раннем железе к этому виду промысла приходят и обитатели низовьев Оби. Тундровое население – кочевые охотники за северным оленем к рубежу Новой эры осваивают транспортное оленеводство. Обитатели собственно лесной зоны становятся оседлыми рыболовами – сезонными охотниками.

На всех этапах неолита – железного века, вплоть до раннего Средневековья, по мнению П.Ю. Черносвитова, Север осваивается небольшими неструктурированными в социальном отношении коллективами, являющимися «отпрысками» более южных, больших по численности общностей, и уносящими с собой какую-то часть «генофонда культуры» этих общностей на новые территории обитания.

В XII-XIII веках начинается русская колонизация Севера, и этот процесс продолжается и в Новое время. Так, археологически зафиксирован миграционный поток населения с Вычегды и Верхнекамья в Зауралье и Западную Сибирь. Одна из главных причин этого заключается в том, что, если с населения этих районов Севера регулярно собирается дань пушнина, то оскудение природных запасов последней в результате регулярного перепромысла могло привести к ситуации, когда местное население эту дань отдавать уже не в состоянии. А поскольку ее продолжали насильственно собирать, то постепенно сложилась реальная угроза прямого ограбления и разорения аборигенов сборщиками дани. Это обстоятельство и могло побудить какую-то часть местного населения мигрировать в более безопасные места, например, за Урал.

В VI-XVII веках на Севере, в том числе на Крайнем Севере Западной Сибири, начали появляться собственно русские города, что было связано с освоением русским населением северных территорий, главным образом побережья Белого моря. С этого периода прослеживается экономическая зависимость северных территорий от России как от метрополии, а колонизация северных территорий становится не частным делом, а функцией государственной системы. Эта модель подразумевает

постепенное втягивание как местного, так и пришлого русского населения в экономическую структуру государства и превращение северных территорий в своеобразный придаток метрополии, полезные ресурсы которого собираются в пользу верхних уровней государственной иерархии. В таком «колониальном» режиме северные территории используются до настоящего времени: идет безудержная добыча геологических и биологических ресурсов этих территорий, с перекачкой подавляющей части этих богатств на территорию метрополии. Такая политика потенциально грозит Северу истощением ресурсов и последующим запустением, а метрополии по тем же причинам – развалом государства как иерархической системы, в значительной степени основанной на эксплуатации природных ресурсов. С таким выводом трудно не согласиться.

Таким образом, колонизация Севера России имела для северных народов в социально-экономическом плане не всегда однозначную роль, что естественным образом сказывалось на национально-этнических отношениях. Колонизационная политика Российской империи, а за ней и Советского Союза, как было показано выше, иногда приводила к игнорированию наличия представителей малочисленных народов в ходе переписи населения. Следствием этого была добровольная, а подчас и принудительная ассимиляция. Дискриминационные проявления в отношении представителей северных народов способствовали случаям умышленного сокрытия коренными обитателями северных территорий своего истинного происхождения, за что их трудно осуждать.

Обратная тенденция, заключающаяся в возврате северян к своим корням, появилась в ходе переписи населения 2002 года. Более того, имеют место случаи, когда представители северной интеллигенции, бросив город, возвращаются в оленеводческие чумы, в тундру, пасут оленей и пишут книги. Ярким примером такого рода является возвращение в тундру ямальской писательницы Анны Неркаги, автора романа-антиутопии «Скопище» и повестей «Анико из рода Ного» и «Илир». На наш взгляд, этот отрадный факт должен быть более глубоко исследован социологами и закреплён

в массовом сознании северян как позитивный пример реализации концепции устойчивого развития на Севере. Для достижения этого желательным усиление существующих программ поддержки КМНС информационной кампаний в центральных и региональных средствах массовой коммуникации: зримые положительные примеры изменений в национально-этнической сфере России не должны остаться незамеченными.

Традиции освоения северных территорий России связаны не только с отечественной историей. Заметное влияние на них оказывают те достижения в освоении Севера, которые достигнуты в других странах. В ходе официальных международных контактов российской Ассоциации народов Севера, а также научного и личностного взаимодействия между представителями северных народов разных государств зарубежный опыт не только проникает в нашу страну, но и заметно влияет на разработку концепций развития северных субъектов Российской Федерации и подготовку реальных планов социально-экономического развития.

Из всех северных территорий наиболее значительных успехов в деле реализации стратегии устойчивого развития, на наш взгляд, добились на Канадском Севере и в Скандинавских странах, в Лапландии. Их опыт, в особенности канадский, поучителен для многих северных стран.

Одной из важных проблем северных народов является генетически predetermined для их представителей значительная потенциальная опасность алкогольной зависимости. Это общий недуг всех северян. Поэтому на вопрос о том, кто главный враг аборигенов, обычно следует ответ: наверное, тот, кто первым налил местному охотнику рюмку «огненной воды» и наливает по сей день. Например, для инуитов, проживающих на Канадском севере, это – основная болезнь.

В Канаде накоплен позитивный исторический опыт борьбы с этим недугом. Там используется несколько способов борьбы с ним. Во-первых, в населенных пунктах, где проживают инуиты, введен почти полный сухой закон. Крепкие алкогольные напитки – под запретом, а пиво и другие слабые алкогольные напитки в

местных барах подаются только два раза в неделю, перед выходными, за чем строго следят представители муниципальных властей. Во-вторых, всех больных алкоголизмом отправляют на лечение на юг страны. И, в-третьих, результаты лечения закрепляют нетрадиционными методами, для чего открываются специальные реабилитационные центры. Этот опыт канадских коллег может быть с успехом использован в российских условиях.

Еще одной важной проблемой является духовная практика. Период принудительного атеизма, навязываемого в советские времена коммунистической идеологией, с крушением СССР закончился. Однако в духовности северных народов возникли серьезные бреши, о восстановлении которых должно заботиться не только общество, но и государство, в революционные времена конфисковавшее значительное количество объектов собственности религиозных организаций. На наш взгляд, речь в данном случае должна идти не столько о реституции, сколько, в большей степени, о создании приемлемых правил поведения в этноконфессиональной сфере. Основным направлением здесь может стать закрытие существующих в действующем законодательстве лакун, которые, в частности, относятся к проблемам отвода земель, на которых расположены действующие и возводимые церковные строения.

Вновь обратившись к канадскому опыту, можно отметить, что религиозность населения достаточно высока: инуиты помнят Бога. В каждом городке есть церкви, расположенные на земле, принадлежащей религиозным общинам. Интересной особенностью является то, что когда идет служба, все другие мероприятия муниципальными властями отменяются, чтобы прихожане хоть на время отвлеклись от мирских забот. Такая форма содействия росту духовности не исключена и в российских условиях.

Весьма важной представляется тема имущественных отношений коренных народов Севера с государственными органами. Так, инуиты выдвигают свои права на земли, воды и природные ресурсы перед Федеральным Правительством Канады. Для ведения переговоров создается Комиссия на паритетных на-

чалах: одинаковое количество представителей от народа и правительства. Затем правительство выдает ссуду на работу этой Комиссии. Комиссия разрабатывает Соглашение, статьи которого четко регламентируют: какие земли и воды передаются в собственность инуитам, а какие остаются в ведении правительства. При этом инуиты частично получают земли вместе с ресурсами недр. Затем инуиты голосованием должны одобрить Соглашение, а правительство подписывает его. После этого документ направляется в парламент Канады для ратификации. И только пройдя все эти процедуры, Соглашение вступает в силу. В приложении к нему расписывается механизм реализации на десятилетний срок – какие обязательства должны выполнять стороны ежегодно. Если возникает спор, его рассматривает суд. Но у инуитов ни разу дело до суда не доходило. По сути, Соглашение после ратификации парламентом становится законом. И в конечном итоге звучит так: «Соглашение между инуитами района поселения Нунавут и Ее Величеством Царствующей Королевы Канады».

Еще одной немаловажной стороной взаимоотношений КМНС с государством являются финансовые дела. По Соглашению правительство ежегодно выплачивает инуитам определенную сумму за пользование их землями, водами и ресурсами недр. Эти средства расходуются по двум основным направлениям. Частично инуиты погашают ссуду правительства на ведение переговоров. Точнее, за работу Комиссии. А на это уходят немалые деньги, ведь в среднем переговоры ведутся десять лет. Привлекаются высококвалифицированные юристы, экономисты, финансисты, экологи, специалисты по земельным отношениям и гражданскому праву. Данное Соглашение состоит из сорока одной статьи, где определяются все нюансы в отношениях между инуитами и правительством. Другую часть финансовых средств инуиты используют по своему усмотрению – решают жизненно важные проблемы, для чего создают корпорации экономического развития.

Такие же Соглашения правительство заключает с другими группами индейцев и метисов на севере Канады. Практика подобных взаимоотношений представляется весьма разумной и

эффективной. У правительства есть юридически закрепленные обязательства перед арктическим народом, живущим в экстремальных климатических условиях, балансирующим между жизнью и смертью. И народ берет на себя определенную ответственность перед правительством. Это документ о взаимном согласии, доверии и уважении друг к другу.

Глядя на российские проблемы сквозь призму канадского опыта, можно сделать важное заключение. Коренное население Ямала или Югорского края не претендует на все земли, газовые и нефтяные залежи. Но крайне необходимо сохранить небольшие участки, земли проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов для традиционного образа жизни, для развития традиционных отраслей хозяйства. В прошлые годы Государственная Дума приняла несколько законов по этим проблемам. Но будут ли они эффективно защищать права и интересы коренных этносов? Станут ли их исполнять те, кто рассматривает Север как собственную вотчину? Представляется, что для решения этих проблем целесообразно в России использовать канадский опыт заключения Соглашений с правительством о земле, который создал в Канаде условия для самовывживания арктических народов.

Сейчас на Севере России создаются национальные предприятия, семейные, родовые и соседские общины. Коренные жители чувствуют, что в условиях перехода к рыночным отношениям без экономической базы просто не выжить. Но все эти предприятия и общины разрозненные, функционируют сами по себе. А выжить в одиночку трудно. Объединиться же в Корпорации без организационной и финансовой помощи Федерального Правительства северные народы не в состоянии. А из-за системного кризиса в России Правительство не может заняться проблемами малочисленных народов Севера. В решении этого вопроса можно было бы опереться на канадский опыт создания корпораций экономического развития, являющихся элементом системы обеспечения прогресса северных народов.

Таким образом, исторически сложившиеся традиции освоения северных территорий с учетом как позитивного, так и негативного

опыта всей истории колонизации северных земель России и нордических территорий других стран мира, расположенных вокруг Северного ледовитого океана, дают основания считать стратегию устойчивого развития приемлемой для северных территорий. Возникновение, развитие и реализация этой идеи связаны с рядом противоречий. Для Российского Севера общий характер имеют противоречия между государством и обществом, а также между интересами экономики и экологии.

Если рассматривать государство с классической точки зрения как орудие политической власти, комплекс противоречий между государством и обществом основан на следующем. Государство с помощью законодательства и нормотворчества устанавливает определенные «правила игры» освоения северных территорий для населяющей их совокупности граждан – общества. Указанные «правила игры», не всегда, увы, идеальные, определенным образом ограничивают права и свободы граждан по использованию ресурсов Севера, что отслеживается территориальными органами исполнительной власти и контролирующими инстанциями и, наконец, оценивается судебной ветвью власти. Именно в этом и состоит ядро данного комплекса противоречий, поскольку речь идет о функционировании государства как механизма принуждения в отношении граждан, проживающих в отдаленных и труднодоступных регионах. В определенных случаях это противоречие может приобретать вид «метрополия – окраины». Разрешение этого противоречия видится в тонкой отладке инструмента обратной связи «общество – государство», с целью повышения эффективности государственного механизма на основе оптимального учета специфических интересов северного общества.

Особое значение для настоящей статьи имеет рассмотрение противоречия, складывающегося по оси «экономика – экология». Оно во многом определяет то, носит ли экономическая политика, проводимая государством на северных территориях, чисто потребительский характер и не принимает в расчет состояние окружающей среды, т.е. является экофобной, или же эта политика предусматривает восста-

новление ущерба, понесенного природой в результате промышленной разработки ее ресурсов, значит, является экофильной. Этот вопрос важен также и потому, что устойчивое развитие предусматривает прогресс, а не упадок Севера как экологической системы.

Частный, но от этого ничуть не менее важный характер имеют упомянутые выше противоречия в области межрасовых, межэтнических, межнациональных и межличностных отношений, складывающихся по линии «Сред-

няя полоса – Север». А также «коренное – некоренное население Севера». Эти вопросы имеют существенное значение в ходе рассмотрения вопросов, связанных со спецификой исторического развития и особенностями формирования финно-угорской цивилизации.

Сглаживание перечисленных противоречий позволит в той или иной мере продвинуться по пути реализации концепции устойчивого развития северных территорий с учетом специфики традиций и культуры народов Севера.

Литература

1. Гудыма А.П. Идеи устойчивого развития в контексте перспектив прогресса народов Севера. Ханты-Мансийск: Институт природопользования Севера, 2002.
2. Информационно-аналитическая справка о социально-экономическом положении северных субъектов Российской Федерации по итогам 2003 года // Официальный сайт Аппарата Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов Федерального Собрания Российской Федерации.
3. Постановления Правительства Российской Федерации № 22 от 11 января 1993 г., № 997 от 7 октября 1993 г., и № 58 от 23 января 2000 г.
4. Численность коренных малочисленных народов Севера по предварительным данным Всероссийской переписи населения 2002 года // Официальный сайт Аппарата Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов Федерального Собрания Российской Федерации.
5. Советский энциклопедический словарь. М., 1982. С. 1584.
6. Черносвитов П.Ю. Освоение Крайнего Севера: Опыт имитативного моделирования по материалам археологии. М.: Изд-во Института археологии РАН, 1999.

References

1. Gudyma A.P. Idei ustojchivogo razvitija v kontekste perspektiv progressa narodov Severa. Hanty-Mansijsk: Institut prirodopol'zovanija Severa, 2002.
2. Informacionno-analiticheskaja spravka o social'no-jekonomicheskom polozhenii severnyh sub#ektov Rossijskoj Federacii po itogam 2003 goda // oficial'nyj sajt Apparata Komiteta Soveta Federacii po delam severa i malochislennyh narodov Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii.
3. Postanovlenija Pravitel'stva Rossijskoj Federacii № 22 ot 11 janvarja 1993 g., № 997 ot 7 oktjabrja 1993 g., i № 58 ot 23 janvarja 2000 g.
4. Chislennost' korenyh malochislennyh narodov Severa po predvaritel'nym dannym Vserossijskoj perepisi naselenija 2002 goda // Oficial'nyj sajt Apparata Komiteta Soveta Federacii po delam Severa i malochislennyh narodov Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii.
5. Sovetskij jenciklopedicheskij slovar'. M., 1982. S. 1584.
6. Chernosvitov P.Ju. Osvoenie Krajnego Severa: Opyt imitativnogo modelirovanija po materialam arheologii. M.: Izd-vo Instituta arheologii RAN, 1999.